

Информант: Тынянко Мария Семеновна, 1933 г.р., Херсон.

В Крыму с 1934 года (сначала в Карасубазаре, а с 1937 в Ак-Шейхе – современный пгт. Раздольное).

Интервью записано 6.08.2006 в пгт. Раздольное АРК.

Собиратели: А.Страхова, А.Эмирова

Расшифровка: А.Страхова

М.С. В 37-м году в Белогорске мы жили, а с 37-го жили уже здесь, в Раздольном. С 37-го года. (А еще раз, какого Выгода рождения, 37-го?) Я? (Да). Я с 33-го. (33-го года рождения?) Да. В Крым. Это я с Маячки, с Херсонской области. С Украины нас привезла, мне было полгода, в Белогорск. И вот мы жили до 37-го года. А потом уже с Белогорска переехали сюда. (То есть, Вы уже войну помните даже?) А чего ж не помню? Немцев добре помню. (Это интересно. А вот нас вот это вот еще очень интересует, что события Второй Мировой войны. Вот как, возможно, немцы вошли сюда?) Что Вы хотите? (Ну, а расскажите сначала о себе. Бабушка Маша, а Вашу маму как звали?) Лида Николаевна. (Лида Николаевна? А отца звали как?)

1:00

Семен Анисимович. (А где... а в Белогорске Ваш дом помните?) Нет, я там не помню. Только здесь. (А здесь Вы вот в этом доме все время жили?) Нет, мы жили в центре. Вот, где поликлиника. Это не поликлиника, а... где поликлиника, там жили. Да, вот там мы жили. Вот в войну как раз, когда немцы вошли, мы жили там. (Эта улица раньше как выглядела?) Эта, центральная? (Да). Ну, конечно, она не такая была богатая, как сейчас. Людей здесь было намного меньше, село было небольшое. Помню, как татар выселяли. Это наши уже татар. Это в 44-м, по-моему, их выслали. Только год я не помню, в каком году. Вот. Помню, как немцы вошли. У нас была знакомая переводчица, Тамара ее звали. Но она была... на наших работала. Вот.

2:00

Она нас всегда предупреждала. У меня брат 28-го года, один с 30-го года старшие. В Германию, была облава, и вот она приходит и говорит: «Лида, прячь хлопцев, вот завтра будет облава». Она нас предупреждала всегда. Такая хорошая женщина была. А вот тоже пришла как-то и говорит: «Лида, детей на улицу вечером не выпускай. Наши вот – вот – вот должны, - говорит, - разведка прийти сюда, в Раздольное». И говорит: «На днях, значит, будут немцы отступать». То мы уже смотрели днем, а немцев здесь было очень много. Напротив нас, так, через дорогу, комендатура была, вот, и мы видели вот это все, как они привозили наших, этих, партийных и в подвал туда. Там издевались, и били их. Вот. Ну, и мама говорит: «А что ж мне делать, - говорит, - я ж боюсь», - говорит. А отец говорит:

3:00

«Не бойся, сказали – все». Больше ж мы никому не имели права сказать, потому что ее расстреляют сразу. Если мы кому-то скажем, значит, ее расстреляют. Она нас уже так предупреждала... (Это та Тамара, да, женщина?) Да, переводчица, да. Вот. И она говорит: «Прячь детей где-то, на пол ложи, ложи там какие-то тряпки, матрасы, что есть, - говорит, - подушки заставлю эти я тебя, тоже подушки на окна ставьте». И вот мы, мама, я хорошо помню, мама поставила нас всех, на пол положила, кого под кровать, кого под стол. И вот под утро встали, - тишина, тихо-тихо. А немцы взяли, вот где сейчас столовая, вот, где рынок, вот здесь у них была, поставили пушки, на Раздольное дулом поставили, и в конце Раздольного тоже поставили сюда. Видать, хотели нас разбить, вот. Но не успели. Наши как нахлынули ночью, слышим пули, так «тю-тю-тю, тю-тю-тю». Мама нас всех на пол, говорит: «Лежите, не подымайтесь». Вот. И утром мы встали, немцев уже нету.

4:00

Они ушли, и наши пошли. Зашли и сразу сделали наши облаву, половили вот этих полицаев, был у нас здесь такой Думбровский, самый главный полицейский ихний. (Это чей, немецкий?) Немецкий, да, немцев. Наш

русский работал на немцев. Он выдавал всех наших, этих, партийных. По колхозу на линейке, такая линейка была, и вот идет, он такой костюм носил, у него красный кожаный костюм был: брюки, куртка, сапоги красные кожаные, и фуражка такая, и все. И с плеткой ходил. И на линейке, вечером поехали, и ото слышим: в том селе пропало несколько человек, председатель там, кто-то еще пропал, еще пропали, и так, куда их девали, мы не имеет понятия. Где-то расстреливали, может быть, где-то в колодце, или куда их бросали. Но не было их. И вот, когда наши зашли, сразу поймали его. Его немцы не взяли, как старался, думал с немцами удрать, но его немцы не взяли. (Этого Думбровского?) Да.

5:00

И они его поймали, и суд был. Осудили его повесить, и повесили напротив магазина. Три дня висел. (Какого магазина? Это где?) В центре, вот, где щас спортивный, спортивный этот, ну раньше был спортивный, а щас там не знаю, что продают. Это знаете, где... (По Ленина?) Да, по Ленина. Вот банк, и вот рядом магазин, вот этот длинный стоит, такой маленький магазинчик деревянный. И вот напротив этого магазина на акации его повесили. Он три дня висел. Синий уже такой весь висит. (А люди не снимали, или боялись?) Ну, никто не разрешал его снимать. Были у него здесь племянники, просил этот Женька, что дайте мне его, я его похороню, то сказали, говорят: «Собаке - собачья смерть». И вот, вот у нас четырехэтажка, и были окопы, его вывезли сюда, в этот окоп, бросили, и расстреляли там три румына.

6:00

Румыны или чехословаки, я точно не знаю. Знаю, мы смотрели так, издалека, то их раздели, наши расстреливали, раздели их до белья нижнего. Ну, они просились, плакали, на коленки ставали, просились, но все равно их расстреляли, потому что их поймали в МТСе на чердаке с оружием. Вот если бы они были без оружия, может быть, их бы и отпустили, а так они с оружием были, их туда, и этих расстреляли. Их еще какая-то лошадь где-то

чья-то сдохла, тоже туда, в тот окоп. То ночью пошел этот Женька, дядьку хотел, ну хоть землей присыпать, думал, он сверху лежит, то говорит, уже был раздетый, его уже кто-то раздел, поснимал эту всю кожаную с него. То он его оттащил в сторону и похоронил там, засыпал землей. Так что, вот такие дела. А немцев знаю, немцы брата моего били. Ну брат заработал, конечно, он... (Что случилось?) А взял, это, там у них подвал был, где райпотребсоюз был, они там стояли, ну база у них там была.

7:00

И в подвале холодец наварили, холодца немцы пораз... поразливали там что-то, а он пошел все попоперекидал. Они его как поймали, и били ногами. Сильно побили они его. (Бабушка Маша, а здесь, Вы сказали, татары, вот, крымские татары жили, Вы и депортацию видели, да?) Ну да. Вот как мы, как раз то, что было вечером, смотрим, машины идут по центру, машины идут, крытые все машины. И один подошел до нас солдат, и попросил воды попить, а мама говорит: «Может, молочка?» - напоить. Ну, солдатик молоденький. Говорит: «Может, молочком тебя попоить?». Он говорит: «Если можно, дайте молока». И мама ему принесла банку молока. Попил, еще какой-то парень подошел, тоже военный. Они попили, и он... Мама говорит: «Далеко, ребята, едете?» И он говорит: «Мамаша, в Вашем доме есть татары?» Мама говорит: «Да». А у нас в доме два татарина жило. Татарка Эмирова жила и Халиляевы.

8:00

Помню даже, как их, эта, фамилия. Эмирова это была врач-терапевт, а Халиляев, это, в райнагодконторе он работал. У него детей, наверное, восемь душ было. Вот. Говорит мама: «Есть». Так говорит: «Вот идите в дом и не выходите. Сегодня, - говорит, - будем брать татар». В 12 часов ночи подошла машина с этой стороны, подошла с той стороны. Дом так у нас стоял, с этой Эмирова жила, а с этой Халиляевы жили. А мама как раз хлеб спекла, и решила вынести... Ну, Эмирова маму лечила, она болела, у нее с сердцем плохо было. Вот она подумала: «Булку хлеба хоть на дорогу ей дам». До

двери, а нас не пустили. И я с мамой выходила тоже, заходила, и нас не пустили: «Зайдите в дом и не выходите». Мама: «Да хлеб хотела» - «Передайте вот в ту форточку». Так мы в форточку передали булку, это, булку хлеба. Вот, и их отправили ночью, похватали всех и отправили. (А евреи жили здесь?) Были евреи. Евреев много здесь расстреляли. (А Вы видели это? Помните?)

9:00

Ну мы... Видеть я не видела, но слышала, вот. Мама говорила, отец говорил, что ночью там. Шахта у нас, вот, колодец, вот такой был. Вот в этот колодец бросали их живьем и гранатами забрасывали. Я видеть не... (А где этот колодец?) Где этот колодец? По какой улице, я не знаю. (Мама Вам показывала его?) Ну, вот, мы там бегали, игрались. (Ой, бабушка Маша, Вы не могли бы как-нибудь с нами выйти показать?) Нет, я туда не пойду, далеко. (Далеко это, да?) Далеко это, это аж там. (Ну, если Вы нам объясните, мы бы сами пошли). А Вы там щас, наверное... Щас я даже не знаю, есть ли там этот колодец или нет. (Нас, просто, что интересует, что касается этого периода Крыма... А памятник какой-то там поставили, знак опознавательный?) Нет, ничего там нет, ничего там не поставили, никто ничего не ставил. Нет, там нету памятника. (А из евреев знакомые у Вас были, те, которых расстреляли?) Нет, не было. Нет, евреев не было.

10:00

Татары – мы с татарами дружили, то, что в одном доме жили мы с ними. Вот Халиляева, это у них детей очень много, братья мои дружили с ними, ребят много было. Знаю, что одну девочку звали Зоя, я с ней... Ну по-татарски не знаю, как ее звали, а по-русски мы ее звали Зоя. Вот. А у Эмировой, у ней одна дочка взрослая была, взрослая тогда она уже девочка была. Вот так что мы с ними не дружили, но как чего-то надо было, мы бежали, ее звали к маме. (А из евреев соседей не было, да?) Не было, не было. (А вот Вы говорите, Вы помните, как немцы входили в Раздольное. Знали ли уже, вот, люди, что войдут немцы. Были ли какие-то слухи?) Ну,

наверное, знали. Но знали, мало людей знало. Те, которые были связаны с ними, они знали, потому что, тогда еще, помню, отец у нас был, сосед... ой, как же его фамилия?

11:00

Ренгелов. Ренгелов. Вот он был партизан, связь имел с партизанами. Он прятался тоже часто, потому что боялся, чтоб его не схватили, таких, как он. Этот Думбровский выдавал людей, вот боялся его он. Так он то, что слышал, он маме, папе расскажет, а папа придет домой, уже маме говорит: «Лида, смотри, - говорит, вот, - должны сегодня то, то, то, то». Ну вот так приблизительно слышали. Страшно было, конечно, когда бомбили. (А Вы помните, первый день, когда немцы вошли?) А чего ж не помню? Конечно, помню. Очень страшно было. Первый день мы жили, мама ушла в Евпаторию со старшим братом, там отец служил, вот, в Евпатории, нас оставила здесь, в Раздольном. И Раздольное побомбили. А бабушка, мамина мама, жила в деревне Семеновке.

12:00

Щас как? Максимовка, да? Нет, это Семеновка. Максимовка – Немецкий Атай был, а Семеновка немножко, чуть-чуть дальше. Вот.

Б. Вот в сторону Семеновка, сейчас она находится Первомайского района. Это вот напротив Максимовки через мост, и там кошары были, там несколько домиков осталось.

М.С. Ну вот мы как-то ездили с тобой, я видела тот дом, где мы там жили.

Б. Ну, это еще там...

М.С. В общем, жила там бабушка наша. Ну, когда побомбили, бабушка услышала, что побомбили Раздольное, она приехала, нас схватила и забрала всех. Нас четверо осталось, брат старший ушел с мамой в Евпаторию. Тогда ж нечем было уехать, пешком пошли, 75 километров они пошли пешком.

Б. Ну, лошадьми ездили.

М.С. Ну, в кого были.

Б. Да.

М.С. Вот, она нас схватила, на бричку и туда завезла, в эту деревню. Ну, мы не поехали в Семеновку, а остались в Немецком Атае. Тут квартира была немецкая, уже немцев выслали, а была немецкая, вот, немецкий домик.

13:00

То когда мы зашли вот так вот в двери, сюда заходишь, сюда зала большая была, а сюда кухонька, а сюда кладовка была, в эту сторону. Кладовка была забитая досками. Вверху вот это такая цепь была, мы лазили еще на табуретку, подставляли, смотрели, что ж там есть, может, гранаты. Все, как дети, может, гранаты пооставляли. Мебель была закрыта ихняя, вот. То мы там жили. Ну, и сколько мы там? Дня 3-4 с бабушкой побыли, и побомбили эту деревню. По центре прямо побросали по дороге бомбы, то брат меньший за меня, он на улице был, зашел в дом весь в земле, в земле. Его волной и землей его присыпало где-то. Вот. И нас бабушка в подвал... в этот, окоп, и мы сутки сидели в окопе. Уже не бомбят, а мы в окопе сидим. Вот. И бабушка. Сидим, в общем, бабушка, нас четверо, вот, когда слышим: тю-тю-тю, тю-тю-тю. А еще мы в доме были, то мамин брат,

14:00

Дядя Петя, родной брат, он, ну, на полуторке в армии служил.

Б. Отступали когда.

М.С. Ну, отступали когда, да. И арбуз, это было осенью, наверное, потому что арбузы соленые ели, я вот поэтому щас помню, что это было осенью, наверное, глубокой осенью. Я даже не знаю, какое это время было. Вот. То мама зашла и говорит: «Сидим, кушаем арбузы, а, - говорит, - немцы вот уже в лесополосе». Вот. То этот наш схватил за пистолет и хотел маму застрелить. Говорит: «Немцев ждете?» (Кто это, кто он?)

Б. Ну, офицер какой-то был среди них.

М.С. А дядя Петя говорит: «Подожди!» Выскочили, а здесь уже... А армии было! Боже! И пушки, и танки, и конница, и пешая, как она называется? – пехота. Столько там людей было в этой деревне!

Б. Отступали.

М.С. Это страшно, сколько там людей было. И слышим, пули тю-тю-тю, тю-тю-тю. То дядя Петя нам только сказал:

15:00

«Лида, - маме говорит, - Лида, бери, - говорит, - детей в окоп». Вот. И мы залезли в этот окоп, окоп крытый был, залезли в окоп и слышим, гу... машины эти гудят, отступают наши. Все наши ушли, слышим, мотоцикл подъехал до окопа: «Русь! Век, век», - кричит. Вот, выходи, значит. Мама выходит. «Русь солдат есть?» - спрашивает. Мама говорит: «Нет, - говорит, - дети». Вот. «Выводи!». Показывает, что выводи всех. Мама нас вывела, и мамина мама была, бабушка моя, вот. «Идите, - говорит, - в дом. Вас, - говорит, - никто не тронет». Такой... Я вот если б его увидела, я щас бы его узнала, этого немца, честное слово, узнала бы. (Какой он был?) Выхоленные такой, выхоленный, чистый, на мотоцикле ехал, ну, чистый. Я не знаю, как, я ж говорю, дороги такие, или он через каждые пять минут чистился или я не знаю, сапоги на нем блестели. Вот. И он нас, это... В дом мы зашли, а послал солдат туда, и гранату кинул в окоп.

16:00

И сам выскочил тот солдат, и мы сидели в этом. Потом уже, когда ути... Тихо стало, тихо-тихо все, и мы, это, вышли на улицу смотреть, то столько армии нашей выгнали с этого, с ко... как? – кошары, потом конюшни.

Б. Ну, пленных наших, взяли в плен.

М.С. Взяли в плен очень много, и гнали всех в Перекоп. То мама кричала: «Петя, Петя», - брата звала. Мы знали, что он далеко не мог уехать, он где-то, ну, может быть, ну, два километра, ну, три километра, больше он не смог отъехать, потому что у него машина была поломана, на дисках, без скатов, полуторка. Вот. И мы звали-звали, так по сегодняшний день его и нет, мы не знаем даже, где он. Вот. А в этом доме, где мы уже жили, мы жили, с прищелкой у нас двери были. Пришли, вот это, приехал мотоцикл,

потом приехали эти, ну, румыны. Румын очень много было, немцев, очень много было румын.

17:00

То мы, когда утром вставали, весь огород, огород, картошка такая была там, то поле белое, как в снегу, мы еще говорим: «Вот, снег выпал!» А это они у людей поворовали уток, гусей, и там драли их, на этом огороде, и поле все белое было. Вот. А потом с этой стороны нас поселились немцы, комендатуру сделали немецкую, вот. И они, значит, тут воздушный бой был, самолеты падали, с парашютом прыгали, одного немца, это уже наши, наши уже, уже когда... эти немцев отогнали... нет, были... Я не помню, как это было, уже забыла. Знаю, что парашютист – немец был, весь в ямках побитый, здоровый, рыжий такой, они его... Ну, короче говоря, если бы вот так где-то кто-то что-то сделал, выставляют семьи и расстреливали. (И партийных, и евреев в основном, да, расстреливали много?) Да-да.

18:00

Евреев всех расстреливали, как только узнали, что евреи, хватали и расстреливали. Увозили, ну вот, не знаю... (Местные жители плакали? Ну, как-то, соседи все-таки). Ну, а как же? Как же? Конечно. (А были такие, которые спасали, как-то пытались укрыть?) Ну, вот у нас, вот в этой Семеновке. Ночь, на вторую ночь моя мама меня не посылала за яйцами в сарай, а на третью ночь я полезла, мама говорит: «Иди, выбери яйца». У нас корову мы забрали в коридор, в коридоре стояла, чтоб ее не украли, а курей мы спасали, только спасались, что у нас такое маленькое, маленькая дверка была для курей, только куры заходили. Ну, мама туда не могла пролезть, и отец, и братья чего-то туда не лазили, мама меня всегда посылала за этими яйцами. Дает мне какую-то мысочку или чего-нибудь, и я лазила туда за яйцами. Я только туда, а меня только хоп, там схватили, рот закрыли, чтоб я не орала. И говорит: «Не кричи, не кричи, тихонечко, не кричи». Отпустил он меня.

19:00

Я начала плакать, трястись. Он: «Не бойся, я русский, я русский». Я вижу, в русской форме, солдат наш, а уже ж немцы, вот. Он меня просит, говорит: «Помогите мне, - говорит, - как-то отсюда пойдешь у мамы попроси брюки, рубашку, что-нибудь попроси гражданское». То я пошла, маме сказала, мама ему туда дала брюки, рубашку дала, вот. Он сам с Красноперекоса, парень. Не знаю, как фамилия, чего-то не спросили мы его, не знаю, кто он такой. Вот. А потом игрались мы с девчонками, там подружка у меня еще была, огород, где вот это ж перо валялось. Тоже там игрались, там тоже шахта, вот. Вы не знаете, что такое шахта? (Нет, не знаем, нет). Это вот...

Б. Это так, вот, у нас в Крыму глубоко вода. Значит, в эту копали шахту, вылаживали ее камнем. Вот, ставили там внизу трубы, мотор, вот, ну насос, вот, потом выводили трубы.

20:00

И качали оттуда воду.

М.С. Поливали, вот, огороды.

Б. Вот. Потому что отсюда на такую высоту, метров, наверное, 15-20.

М.С. 18, я помню, 18 метров.

Б. Ну, это примерно. Вот. Насос, вот с такой высоты не мог унять, а оттуда, если возьмет, он выдавливает вверх, а вот сверху, аж чтоб выдавить, опускается туда.

М.С. Ну, там такая лестница туда железная, мы по той лестнице лазили туда, игрались с этой девчонкой. Тоже пришли, а там наших три солдата тоже в этой шахте. Вот. Так мы носили туда, я пришла, раненые были, вот, так мы носили им и бинты, а какие бинты? Мама рвала простыни, носила туда, это я, мы носили. И так же не понесешь в руках, вот нам мама завязывала, вот здесь наматывала под платье, и мы носили туда. Вот. Кушать носили с игрушками. (Этим солдатам, да?) Да. А потом дня три, наверное, или 4 мы носили им кушать, а потом пришли, их нету. Куда они? То ли они

ушли, то ли их схватили, я не знаю. Так жалко. Я пришла тогда, так плакала, говорю: «Мама, нет наших солдатиков».

21:00

(И вот вы, будучи детьми, вот так помогали?) Да. (А из еврейских детей у Вас были... Вот кто у Вас вообще вот в школе учился: татары, еврей? Кто? Немцы были здесь?) У нас учитель, у меня учитель был евреем. (А он... С ним что случилось? Его тоже расстреляли?) Тоже схватили его, так и не знаем, где он делся. Прямо на уроке забрали его и все. (На уроке забрали? Прямо на уроке? А Вы помните этот день?) Нет, не помню я. (А какой... Что он у нас три класса преподавал. Вот один, одна, одно здание было, один класс был, в этом классе было три, три класса.

Б. Ну, три группы, только разные классы.

М.С. Да, разные. Первый ряд – первый класс, второй ряд – второй класс, третий ряд – третий класс. Вот так он преподавал в одно и то же время. (И все предметы он преподавал, да?) Да-да, все преподавал.

Б. Ну, это, знаете, начальная школа. (А, понятно, начальная школа, да. А Вы не помните, какая погода тогда была?

22:00

Вот что вообще было? Какой урок у Вас тогда был? Контрольной не было?)

М.С. Нет, не помню я, не помню я, не помню, нет, не помню. Это уже так давно-давно было. (Вы совсем ребенком, да, были?) Конечно. (А это было военное время, что его схватили, да?) Ну, немцы здесь были, немцы были. (А вот когда уже здесь были немцы, все равно проходили занятия в школе, да?) Ну да, учились.

Б. Сначала.

М.С. По началу. (Кто еще в Вашем классе был, какие ребята?) Нет, я не знаю.

Б. Это уже по... Велись вот эти занятия по инициативе самих учителей, чтоб дети не пропускали. А потом, когда уже, все позакрывали, все. (То герои были такие учителя).

М.С. Да, он вот так придет, придет в школу, нету его. Ну, мы бегали, как дети, мотались, игрались, вот. Появился – быстренько все сели, он дал нам задание, сидим, пишем, вышел, нету его. В скирде. Потом уже бегали там, нашли в скирде дырку, такая, залаживал он кураем эту дырку, вот, и сам находился он в этой скирде.

23:00

Он все время прятался в скирде. (А что такое скирда?) Солома. (Ну, это, вот, солома, да? Ааа, скирда соломы. Да). Ну, чтоб немцы не схватили. (Он вот так прятался? Вот это делал себе дырку, там прятался?) Да-да-да! (И вылезал, чтобы быть... преподавать?) Да, вылезет, видать, высмотрит, что нигде никого нету, вышел бы, заскочил у класс, нам преподавал. А потом прямо на уроке взяли его, и все. (Немцы пришли на урок и схватили?) Да, кто-то выдал, кто-то. Может быть, даже этот самый Думбровский и выдал. (Ужас какой-то! А как его звали, Вы не помните?) Нет, не помню я, не помню я. (А дети были у него?) Не знаю, тоже ничего не знаю. Не знаю, была у него семья или нет. Молодой он был, очень молодой. (Какой он был? Очень молодой, да?) Молодой, да, молодой. (Образованный? Интересные уроки были?) Интересный, был, да. Интересный был мужчина. (А уроки интересные, хорошие были?) Ну, да нет уж, ну как, как уроки. (Угу. Ну, знания получали, да?) Ну, конечно. (А как Вы отреагировали тогда? Страшно было?)

24:00

Ну, знали, ходили, ходили неск... Когда его забирали, нам сказали, что его отпустят. Вот. Мы на второй день пришли в школу, его нет, на третий день пришли в школу. И так туда больше никто не пошел. (Ужас. А были те, кто пытался укрыть их, вот, как-то спрятать у себя дома? Были такие люди?)

Не знаю, не знаю. (А к Вам не просились евреи, чтоб Вы их укрыли?) Нет-нет. Ну, я так не помню, евреев у нас, по-моему, не было.

Б. В основном евреи были, это вот...

М.С. Эта была, подожди, Чернячка Рая была.

Б. А она что, при немцах тут была?

М.С. Ну, да ее потом же... нет, ее здесь...

Б. Нет.

М.С. Ну, выслали-то уже после немцев же. Высылали их.

Б. Кто?

М.С. Наши высылали, или кто?

Б. Евреев?

М.С. Да.

Б. Та евреев не высылали.

М.С. Или они куда-то... Это, они куда-то уезжали, наверное.

Б. То они уезжали. Армянов высылали.

М.С. Болгаров.

Б. Болгаров высылали, и татар высылали.

М.С. Да, жила Чернячка. Чернячка.

25:00

Потом мы в чернячкиной квартире жили, а потом они пришли, нас выкинули. За шею взяли и выкинули на улицу. Мы на улице были. Нам дали эту квартиру, мы ж сами не заняли. (После войны?) Она приехала с мужем. (Это после войны было?)

Б. Ну да, когда наши зашли. (То есть, она, получается, она спаслась, да, во время?..)

М.С. Да, она спаслась. (А как она спаслась?) Не знаю, они куда-то уезжали. (Эвакуировались, или они?..) Нет, они сами куда-то уезжали, сами уехали, а потом она приехала, здесь жила. Еще Исаак Ханонович, его звали, ее Рая звали, он – Исаак Ханонович. (Это муж ее, да?) Да, я работала, уже работала, в чайной официанткой работала, а он был у нас председатель

райсоюза, я еще тогда в райсоюзе входила в кабинет. Он хороший мужик был, хороший. (А фамилия какая у него была?) Черняк. (А, правильно, тоже, это ж по фамилии муха она была. Да, понятно.)

26:00

Б. Евреев было много в этом, вот, в Серебрянке. (Это где это? Что это такое?) Это вот, Ковыльное.

М.С. Вот как ехать на Евпаторию.

Б. На Евпаторию Ковыльное, а за Ковыльным налево деревня есть, поворот, и там Серебрянка. (И что, их тоже всех убили?) Ммм? (Тоже всех убили?) Там много, говорят, евреев. Там даже есть и это, памятник. Вот, по моему, вот, в этом, как строили, там старое кладбище. Вот там, говорят, много евреев расстреляли. (А удивительно, что вот тут не поставили памятник, где евреев в шахте убили).

М.С. Ну, туда всех кидали, не только евреев. Там и русские. Это колодец просто такой. (Это там было место расстрелов, да, куда немцы водили?) Ну, вот я не видела своими глазами, ну, вот так все говорили, старшие люди говорили, что вот сегодня там...

27:00

Б. Они же днем не расстреливали, они ночью расстреливали. (Ночью?) Они ночью вывозили.

М.С. Они увезут туда, бросили, гранату кинули туда, и все. (Взрывали вот так вот?) Ну да. (Это за городом было, да?) За Раздольным? (Ну да. Где этот колодец, чтоб мы его могли найти, сфотографировать? Как его найти самим?) Сейчас его там, наверное, нет. Бурили там шахты.

Б. Где?

М.С. Ну, вот шахта где... Откуда воду нам давали. И сейчас же, наверное, мы оттуда пьем воду.

Б. Это ты имеешь виду, на этом...

М.С. Ну вот башня где.

Б. А, на Башенной.

М.С. На Башенной.

Б. Там же оно так и осталось. Только, может, там построили новую башню. Строили это все. Вот. А место это, вот, на Башенной. Вот Башенная, ну как водонапорная башня стоит, а там это была шахта. (Где их взрывали?)

М.С. Да. (А как нам найти ее? Как пройти, вот, от Ленина, от центральной улицы?)

28:00

Б. От Ленина... Ну вот, пойдете, улица Башенная, она так и есть. Там и видно вот эту башню. Все. Вот. Вот спросите, где вот здесь, это, ну это, водонапорная башня на улице. Так она Башенная и есть. Это вот по улице Рябики идти, вот так по улице Рябики идти, за школой...

М.С. Боря, они не здешние, они приезжие эти девочки. (Да, приезжие, сегодня приехали только).

Б. Да, за школой, и туда поворот. Ну, вот, короче, запишите – улица Башенная. И скажите, нам надо именно увидеть водонапорную башню.

М.С. Там по пути. (Ясно, спасибо). Ну, не знаю, там сейчас же новые люди живут, там вообще этого поселка не было, это было как за Раздольным эта башня была, а теперь там застройка.

Б. Там огороды были.

М.С. Там огороды были, а сейчас там застроено, вот так вот, в центре.

29:00

Б. Это, по-моему, школьные огороды. Нет, там давали людям.

М.С. Давали людям, да...(Бабушка Маша, можно мы к Вам завтра еще придем, так интересно, столько ужасов, вот, во время войны было. Вы нам еще расскажите?) Ну приходите.

Б. Так, а вы откуда приехали?..

М.С. Думбровский был полицейский, Эльшанский был полицейский, Ивана, забыла как фамилия, Черн... этот, Черныш, был полицейский.

Б. А этот Иван, Иван, фамилия. Что вот говорили, полицейским был, а двадцатилетие еще медаль и медаль дали.

М.С. Ну, говорят, работал на наших. (То есть, полицию дали медаль потом?)

Б. Ну, он был в полиции, но, говорят, что он работал подпольщиком. (Ааа). Ну, засылали ж тоже наших людей.

М.С. Воно таке незavidне було. Такой незavidный, маленький такой, незavidный мужичок, а влез.

30:00

Ну, надо ему было влезть туда, потому что он... ну, как, узнавал и передавал нашим. (А Ваш родной язык какой, украинский?) Я украинка, да. (А в детстве по-украински говорили?) Нет, вот так говорили, так и... А откуда украинский, когда я здесь выросла, в Раздольном? Считайте. (А татарский знаете?) Нет, не знала. (Ну, немножечко?) Ну, немножечко. Когда вот с ними обращались, ну вот знала, как... Ну, они тоже по-русски чесали хорошо. (Понятно. А Вы сами откуда?)

М.С. С Полтавы.

Б. А миргородский. (Спасибо большое, если можно, мы завтра еще зайдем?) Заходите.